

— Я готов хоть круглые сутки держать тебя прикованным к себе, сковывать своими объятиями по ночам, чтобы ты не видел ни солнца, ни луны, заточить тебя во внутренних покоях, лишь бы те косные старые пни не смели тебя задевать. Твой отец ещё не... — Сыту Гунхун так и не решился произнести слова «не избил тебя».

В тот день, когда старый генерал Юэ узнал, что его сын — плоть от плоти, выращенная в трудах, гордость рода, призванная прославить предков, — тайком от него совершил столь постыдный поступок с правящим императором, он, не имея возможности наказать самого Сыту Гунхуна, заставил Юэ Иняна встать на колени у ворот Умэнь. Генерал, не сдерживая силы, полосовал сына плетью из колючего терновника толщиной в руку, пока император не выбежал наружу и не бросился на Юэ Иняна, прикрывая его своим телом. На теле Юэ Иняна остались сотни рваных ран, кровавое месиво, на которое Сыту Гунхун не мог смотреть без разрывающей сердце боли. Он едва не приказал бросить в темницу старого генерала, ветерана трёх царствований, и лишь мольба в глазах Юэ Иняна да увещевания верного евнуха заставили его отступить.

Сыту Гунхун лично доставил Юэ Иняна в Резиденцию генерала, а затем, с горечью взмахнув рукавами, развернулся и ушёл. Именно поэтому, едва страсти немного улеглись, он каждую ночь неизменно являлся в Резиденцию генерала, и его визиты не были секретом. Он хотел, чтобы вся страна знала: Юэ Инян — его супруг. Таков был свершившийся факт.

— Разумеется, обиды нет. На самом деле, виноват только я. Если бы мой сын совершил такую глупость, моя рука, боюсь, была бы ещё тяжелее. Раньше я не замечал, чтобы ты принимал государственные дела близко к сердцу, а теперь всё тебя задевает. Разве может между отцом и сыном остаться вражда до утра? — Юэ Инян выпрямил спину, но, увидев, как Сыту Гунхун с тревогой смотрит на него, тут же расслабился.

Сыту Гунхун понимал, что Юэ Инян был немного скован, ведь эти слова были сказаны не только для него, императора, утешения, но и для того, чтобы успокоить самого себя. Сварливый, твёрдый как железо нрав старого генерала Юэ был известен всему двору. В молодости, занимая низкий пост, он мог пойти против своего генерала, рискуя головой, если был убеждён в своей правоте. В последние дни, вернувшись в свой дом, он больше не приходил в Резиденцию генерала, сосредоточил всю власть над гарнизоном в своих руках и установил за Юэ Иняном строгий надзор — стало ясно, что его гнев утихнет не скоро.

— Неужели мы... совершили такую глупость? У каждого чиновника при дворе полным-полно наложников и мальчиков для утех, но стоило мне искренне полюбить тебя, как они тут же окрестили это преступлением против неба. Разве они не понимают, что ты — единственный человек, достойный моей любви? — Слёзы Сыту Гунхуна падали на плечо Юэ Иняна, обжигая горячей влагой, которая, проникая в сердце, превращалась в нежный, мягкий источник тепла.

— Ну чего ты плачешь, всё же было хорошо? В последние дни ты словно впал в детство — стал даже плаксивее ребёнка. Если бы воины всей империи узнали, что их император, от одного имени которого всех бросает в дрожь, в душе совсем не повзрослел, они бы, наверное, тоже заплакали. — Юэ Инян уже видел слёзы Сыту Гунхуна, но не подозревал, что их у него так много, что они готовы захлестнуть его с головой. Он усадил императора на край кровати, пытаясь сказать что-нибудь шутливое, но лишь осознал собственную неловкость в словах.

— Раз хочется плакать — буду! Даже если слёзы и проливать, то только перед тобой. Плевать мне на тех рабов, что получают жалование, а сами только и знают, что сплетничать. — Сыту Гунхун привык потакать своим капризам, и даже недовольство всего двора сейчас казалось ему ничтожным по сравнению с его собственным горем.

Он стремился стать сильнее, чтобы превратиться в императора, на которого Юэ Инян мог бы положиться, в повелителя, способного вершить свою судьбу, но на деле всё оказалось невероятно трудно. После того как император взял себе супруга, многие министры, раньше опасавшиеся его величия, стали действовать сообща. Они оспаривали каждое его решение, ставили под сомнение каждый указ. Особенно усердствовал старый канцлер, отыскивавший старое завещание покойного императора, где упоминалось, что в исключительных случаях можно призвать князей для помощи в управлении страной.

Разумеется, Сыту Гунхун не мог рассказать об этом Юэ Иняну начистоту. Но, находясь в покоях возлюбленного, в этой безмятежной обстановке, он не сдержался, и слёзы хлынули сами собой. В душе он твердил себе, что нельзя так себя вести, но снаружи не мог даже утереть лицо, едва не рыдая в голос.

— Не бери в голову то, что говорят другие. Это как раз то, что ты умеешь делать лучше всего. Моё пребывание в резиденции ничем мне не грозит, не тревожься. Раз поплакал сегодня — довольно, завтра не показывай никому, что что-то не так. Пусть при тебе остаётся только евнух Ли, потерпи немного... — Юэ Инян всё продолжал что-то тихо говорить, но Сыту Гунхун с усилием поднялся.

— Я потерплю? Почему я должен считать себя униженным! Мы уже связаны узами брака, и я ни за что не расторгну нашу помолвку! Даже если это преступление против неба, я всё равно пойду против воли небес! Я не просто хочу быть твоим мужем, я хочу, чтобы это было по-настоящему... — Сыту Гунхун вскочил и громко воскликнул. Юэ Инян был так изумлён, что даже забыл закрыть ему рот.

При словах о том, что он хочет быть мужем «по-настоящему», лицо Сыту Гунхуна залилось краской, и голос его стих: он вспомнил, что обряд был совершён уже давно, так что, по сути, он и так уже был законным супругом.

Юэ Инян лишь покачал головой с горькой усмешкой, глядя на этого императора, у которого язык без костей. Он был благодарен лишь за то, что эта вспышка развеяла гнетущую атмосферу, хотя теперь воздух снова наполнился двусмысленным напряжением.

— Инян... тебе не нравится обнимать меня? — иначе почему в их близости инициатива всегда исходит от него, а Юэ Инян никогда не проявляет желания обладать им первым?

— Разве стоит задавать такие поверхностные вопросы, когда ты и так знаешь, что у меня на душе? — Юэ Инян притянул Сыту Гунхуна к себе, они легли бок о бок, укрылись одеялом, и тогда Юэ Инян притворно нахмурился:

— А почему тогда...

— Потому что жалко... — жалко причинять тебе боль, жалко доводить тебя до слёз, жалко видеть, как ты измотан, а на следующее утро должен идти на аудиенцию, жалко, что за твоей спиной шепчутся другие, жалко...

— Инян... — Сыту Гунхун издал сладостный стон, потираясь щекой о шею Юэ Иняна. — Сегодня я не хочу двигаться, ты... — казалось, в последний раз, когда Юэ Инян брал его, прошла целая вечность, и ему пришлось приложить усилия, чтобы вспомнить то чувство. Сейчас тёплое, сильное тело Юэ Иняна было рядом, а стук его сердца отдавался в ушах.

— Император... Гунхун... — Юэ Инян перевернулся и посмотрел на слегка прикрытые глаза Сыту Гунхуна, в которых мерцал свет, напоминающий звёзды, виденные им в тот памятный день. Сердце сладко сжалось, и он потянулся к его губам, целуя с неистовой страстью.

Император, наконец получивший желаемое, не стал терять времени даром, обхватив Юэ Иняна руками и ногами, намертво переплетаясь с ним. Его пальцы сжали воротник Юэ Иняна, он отчаянно искал наслаждения, не похожего на всё, что было раньше.

Юэ Инян тоже полностью погрузился в бездну их общего восторга. Это наслаждение помогало им забыть о тревогах и о всём сущем. Поначалу он ещё мог улавливать звуки вокруг, но когда Сыту Гунхун, ведомый им, наконец издал стон, похожий на вздох, в голове Юэ Иняна прогремел гром, и все чувства разом притупились.

— Инян...

— Негодяй! Ты... что ты творишь?! — старческий голос, полный неверия, сомнения и удара, прорезал тишину спальни. Юэ Вэйго стоял в дверях, сжимая кулаки. Его глаза были широко раскрыты, на лбу вздулись вены — он с трудом сдерживал ярость.

— Отец, — Юэ Инян поднял голову, его лицо застыло.

Сыту Гунхун всё ещё вис на нём, одежда была распахнута, звёздные глаза полужакрыты — любой понял бы, чем они только что занимались. Юэ Инян не ожидал, что отец появится здесь именно сейчас. В душе он с горечью подумал, что буря, едва начавшая стихать, вернулась с удвоенной силой. Он уложил Сыту Гунхуна, укрыл его шёлковым одеялом и встал, преградив путь между отцом и императором.

Сыту Гунхун, поспешно застегнув халат, в котором пришёл из дворца, выбрался из-под одеяла и встал рядом с Юэ Иняном, бледный как полотно. Если бы перед ними был кто-то другой, император нашёл бы способ заставить его замолчать навсегда, но перед ними был отец Юэ Иняна — человека, который превыше всего ценил чувства и долг сыновней почтительности.

— Не смей называть меня так! Я считаю, что у меня, Юэ Вэйго, нет ни сына, ни дочери, а все мужчины рода Юэ пали на поле брани, защищая страну! — каждое слово старого генерала звучало твёрдо и безжалостно, раня сильнее, чем вражеские стрелы.

Сказав это, он перестал смотреть на сына, вошёл в комнату, аккуратно закрыл дверь, а затем, прямо на глазах у императора и Юэ Иняна, тяжело опустился на колени и совершил глубокий поклон.

— Старый генерал Юэ... — Сыту Гунхун не понимал, что тот задумал. Он окликнул его, но не получил ответа — старик продолжал бить поклоны. Сделав три земных поклона, он поднялся, прошёл три шага и снова упал на колени, продолжая бить поклоны. Звук ударяющегося об пол лба отдавался в сердце Сыту Гунхуна такой болью, что он едва не захлебнулся кровью. Вдруг стоявший рядом Юэ Инян пошатнулся и упал на колени. Его мужественное лицо было залито слезами, но он, казалось, не замечал этого, шепча что-то дрожащими губами. Император прислушался и понял, что Юэ Инян сквозь зубы зовёт отца, но не смеет издать ни звука.

В комнате один стоял, двое стояли на коленях — картина была невыразимо тяжкой. Наконец, старый генерал дополз до ног Сыту Гунхуна и склонился, а на пол капнула кровь, сочившаяся из раны на его лбу.

— Император... Старый слуга не смог воспитать сына, и тот совершил поступок, недостойный человеческого облика, вызвавший гнев небес. Прошу, проявите милость — позвольте мне самому казнить преступника, чтобы не запятнать доброе имя Вашего Величества! Прошу, издайте указ!

При этих словах и Юэ Инян, и Сыту Гунхун оцепенели. Сыту Гунхун взглянул на старика, который внезапно стал для него чужим. Он понял, что никогда по-настоящему не знал этого человека, который ставил интересы страны выше собственного единственного сына. Ведь генерал защищал не личную выгоду императора, а интересы Великой Династии Да Шэн — и если бы на троне был кто-то другой, решение генерала было бы таким же.

— Неужели в ваших глазах мы с Иняном настолько ничтожны? Неужели всё должно закончиться смертью одного из нас? Старый генерал Юэ, вы помутились рассудком... вы правда сошли с ума! Инян, вставай! Тебе не нужно стоять на коленях перед таким отцом! — он протянул руку, чтобы поднять Юэ Иняна, но тот напрягся, вложив всю силу в ноги, и Сыту Гунхун, приложив все усилия, не смог сдвинуть его ни на дюйм. Пришлось отпустить.

— Отец, просто скажите слово — и я готов покончить с собой прямо сейчас, лишь бы не марать ваши руки... — с болью в голосе воскликнул Юэ Инян, но не дождался даже взгляда от отца.

— Инян! — воскликнул Сыту Гунхун, едва не срываясь на крик. — Если ты решишь умереть, то как же я? Ты хочешь просто бросить меня? Неужели я для тебя лишь «всего лишь»... всего лишь...

— Гунхун... — Юэ Инян произнёс те слова лишь в порыве отчаяния, ошеломлённый поведением

отца. Он подумал, что если его смерть удовлетворит родителя, то так тому и быть. Но услышав крик Сыту Гунхуна, он внезапно прозрел: да, у него есть тот, кого он обязан защищать, о ком должен заботиться. Если он умрёт, то даже в загробном мире не найдёт покоя. Он поднял взгляд на Сыту Гунхуна, в чьём отчаянии слышалось «всего лишь», и сердце его сжалось. Какое «всего лишь»? Разве можно выразить его чувства таким поверхностным словом? Они молча смотрели друг на друга, и слёзы сами катились из глаз.

Но... теперь всё действительно зашло в тупик, где смерть казалась неизбежной.

— Император, прошу, издайте указ! Сиюминутное помутнение может привести к пожизненному раскаянию! — старый генерал, даже не глядя на них, продолжал настаивать на своём, низко опустив голову.

— Старый генерал Юэ... — голос императора раздался прямо над ним, а на слове «генерал» он был уже рядом. Юэ Вэйго в испуге поднял голову и увидел, что Сыту Гунхун, гордый правитель Династии Да Шэн, опустился перед ним на колени, крепко сжимая руку его сына Юэ Иняна. Его прекрасные глаза были полны слёз. Перед ним был не император, а отчаянный юноша, у которого вот-вот отнимут последнюю опору. Юэ Вэйго смотрел на него, не в силах отвести глаз.

— В пять лет меня сделали наследным принцем. В девять лет мой отец из-за невольной ошибки моей матери приказал ей покончить с собой и лишил меня титула. Лишь в двенадцать лет, когда был свергнут новый наследник, меня вновь возвели в этот сан, а затем... В четырнадцать лет мою супругу из-за неосторожных слов постигла та же участь... В тот год в кабинете покойного императора я увидел Иняна... — рыдая, Сыту Гунхун почувствовал, как Юэ Инян крепче сжал его руку, и снова поднял взгляд, чтобы найти в нём силы продолжать.

— Я в своём упрямстве хотел разрушить его самыми жестокими и подлыми способами, но он был стоек и прямодушен. Он не склонился передо мной, и именно такой человек заставил меня преклониться перед ним. Я угрожал ему жизнями всей его семьи и всего двора, рискуя всем, переписал завещание, чтобы спасти его, насильно удерживал рядом семь лет... Но он не принадлежал мне одному. Он — генерал, самый храбрый, благородный и стойкий в глазах всего народа! К тому же он собирался жениться — лишь для того, чтобы оставить род Юэ и после своей смерти на поле брани не предстать перед предками без потомка.

Я был в ярости, ибо никакие средства не могли заставить его отказаться от этого намерения. Я даже угрожал Хун Яо, но он всё равно женился, не взирая на то, что за день до этого мы сразились в свадебном зале, не взирая на то, что я впервые молил его со слезами, как женщина... В том самом месте, где мы обнимались, он женился на выбранной им женщине...

Сыту Гунхун уже не мог говорить, захлёбываясь рыданиями, словно та жгучая боль вновь вернулась в его сердце. Юэ Инян, всхлипывая, качал головой, умоляя его не повторять эту скорбную историю, но Сыту Гунхун, глядя на застывшего Юэ Вэйго, дрожащим голосом продолжил:

— Потом я хотел убить его. Его существование было для меня слишком болезненным, я не мог допустить, чтобы такой человек оставался в мире. В ту же ночь после свадьбы я отправил его на войну! В его войске были засажены лучники, и если он повернулся бы спиной к своим, то получил бы предательский удар! Я специально определил его под начало генерала, с которым он не ладил. Мой план ударил — он получил стрелу прямо в сердце, только потому, что сказал мне потом: генерал не должен получать удар в спину от своих. Он умирал! — при этих словах Сыту Гунхун вскрикнул, вспомнив окровавленного Юэ Иняна, закрывшего глаза в ожидании смерти. Юэ Инян не выдержал и, на глазах у отца, прижал его к себе. Ища тепла, Сыту Гунхун договорил:

— Но я пожалел. Когда я спас Иняна, тело его было ещё тёплым, но придворные лекари сказали, что он не жилец. Тогда в моём сердце словно вырвали кусок плоти, словно меня разрубили пополам. Даже адское пламя не сравнилось бы с той мукой. А потом он очнулся и сказал мне: «Я готов был умереть, исполняя твой указ, но не думал, что теперь ты передумаешь. Говорят, слово государя нерушимо, как же ты меняешь указы? И всё-таки ты ещё ребёнок». Для меня эти слова были прекраснее любой небесной музыки, ведь я знал: он жив!

Но сейчас... сейчас только из-за твоего слова ты хочешь погубить Иняна, которого я с таким трудом вернул к жизни... — Сыту Гунхун умолк, глядя заплаканными глазами на Юэ Вэйго.

— И такого человека ты хочешь убить? Если Инян умрёт по твоей воле, знай: я не останусь в живых. Раз уж я стал супругом Иняна, вся страна станет моим приданым! Я заставлю весь двор, весь народ и всё живое, до чего смогу дотянуться, последовать за Иняном в могилу! Почему вы не можете быть хоть немного снисходительнее? У тебя будет не только сын Инян, я тоже стану тебе сыном и буду почитать тебя до конца дней. Инян — такой сын, которым может гордиться каждый родитель в мире... — на этом Сыту Гунхун разрыдался в голос, не в силах произнести больше ни слова.

— Я знаю... я знаю... конечно, я знаю, как хорош Инян! В нашем роду Юэ за сотню лет не рождалось такого почтительного, послушного и мудрого сына, прославившего наш род! Но... я боялся... что милость императора лишь временная прихоть! Служить государю — что спать с тигром. Что, если мой сын не был доброволен? Если... я ведь тоже должен был думать о нём! Я не жестокий отец, разве вражда между отцом и сыном может длиться вечно? Инян — мой единственный сын! Раз уж нельзя сбежать от императора, лучше смерть! Я готов пожертвовать судьбой всего рода, лишь бы мой сын не жил в таких муках! Но я и не знал, что у вас столько историй... столько... тяжёлых историй...

Не закончив, старый генерал повернулся к Юэ Иняну и зарыдал, как ребёнок. Юэ Инян смотрел на двух самых дорогих ему людей, которые ради него были готовы забыть о гордости и чести, рыдая перед ним. Он всё же не понимал своего отца. Старик заботился о нём по-своему, и если бы это случилось год назад, способ генерала стал бы тем избавлением, о котором он мечтал. Отец лучше всех знает своего сына! Если бы он и вправду жил в том состоянии, которое предполагал отец, то смерть действительно была бы лучшим выходом.

Но теперь в его жизни не было лишь мрачного и властного императора — был капризный, но заботливый возлюбленный, его Гунхун. Он понимал его до глубины души, чувствовал каждую

его мысль, каждую улыбку. Чем, кроме всей своей любви, он мог отплатить им обоим?

— Отец, сегодня Гунхун вместе со мной называет вас отцом. И впредь, как бы вы ни смотрели на нас, мы всегда будем вашими сыновьями!

<http://bllate.org/book/21159/2144494>